

Только он вошёл в дом, как сразу же решил разобраться с такой штукой, как его глаз, поэтому сел на диван по другую сторону от соседки — та по обыкновению проводила много времени на нём — и произнёс:

— Помнишь, как ты меня впервые встретила? — не смотря на неё, Танзин начал издали.

Услышал, как Фэй вздохнула.

— Ну помню, прости. Тогда совсем другие времена были, — в её голосе можно было уловить искренность и сожаление. — Неужели решил расспросить, что за фигню я творила и почему? — поинтересовалась она. — Долго созрел, — донёсся до него беззлобный смешок.

Прошло меньше недели с момента коренного перелома, поэтому Лэй не совсем привык к тому, что сейчас она — нормальная девочка. При нём.

«Чужим» парням всё равно рядом с ней находиться нежелательно. Зато он отныне «свой».

И она не угадала.

— Нет, не это, — мотнул головой он и добавил ясности: — Тогда ты к кое-чему придралась, — Танзин повернулся к ней с закрытым левым глазом, давая подсказку на случай, если она забыла.

Но девушка, опустив голову в попытке вспомнить, этого не заметила.

Какое-то время она молчала, пальцами подёргивая локон длинных распущенных волос — Лэй заметил, что такие они только дома, в университете она всегда заплетена так, что внешне длина пропадает. Если бы он разобрался в причёсках... Как он помнит, у Синь Ся она тёмная, и она короче, чем у соседки. Зато чёлка чуть длиннее.

Сюэ же ходит с прямыми волосами до пояса, которые необычно заплетены так, что они кажутся короче, чем есть на самом деле.

Интересно, какие они на ощупь?

— Вспомнила! — воскликнула Ан, взглянув на него. — Цвет твоих глаз и линза в одном из них, — тут снова задумалась. — А к чему это? И чего так нелепо на меня смотришь?

— Собираюсь показать то, что было скрыто, — юноша легонько склонил голову набок.

— С чего это вдруг тебе приспичило? — в речи её сквозило подозрение, и в какой-то мере оно объяснимо.

— В суде я был вынужден раскрыться, потому дальше прятаться бессмысленно.

— В суде? — удивилась Фэй.

И правда, она до сих пор не знает, что произошло.

Лэй кивнул, показывая, что расскажет потом. Девушка его поняла, поэтому немного поторопила:

— Ну чего тянешь? Открывай давай!

Мысленно фыркнув — какая нетерпеливая! — он открыл глаз. В мгновение ока Ан отшатнулась, но мимолётный испуг прошёл, и она придвинулась ближе, разглядывая белую радужку.

— Ничего себе, это точно не шутка? Если сейчас поколупаюсь у тебя там, не вытащу ли ещё одну линзу? — и даже так девушка остаётся верной самой себе и может ляпнуть что-нибудь эдакое.

— На самом деле мои глаза с рождения серые, — заговорил Танзин.

— Не видно, — ухмыльнулась Фэй. — Я вижу только тёмно-синий слева от себя и один зрачок справа.

— Во-первых, — начал пояснять парень, — морской окрас у меня из-за элемента воды. Во-вторых, это не отсутствие радужки, а белый её цвет. И он у меня от молнии.

— Ты в курсе, что стихии у нормальных магов не влияют на внешность? — продолжала ухмыляться соседка.

Разве кто-то говорил, что исчезновение ненависти и страха упростит ему жизнь? Эта девушка до сих пор остаётся большой занозой!

— А я разве нормальный маг? — редкий случай, когда Лэй позволил себе задать риторический вопрос.

— Ой, точно. Ты демон, — рассмеялась она. — Ну так что у вас там происходило? Даже суд замешан, чего натворил? Или натворили?

— Обычно моим рассказам ты не веришь.

Ан резко дернулась, намереваясь вклеить подзатыльник за подколы — которые Танзин таковыми не считает — но тот увернулся так же просто, как и всегда.

Прыснув, девушка сложила руки на немаленькой груди:

— Теперь-то поверю.

Лэй словил себя на неприличной мысли, и в голове что-то заскрипело.

Перед глазами стоял образ Нин Сюэ.

И до него уже добралось? Забавно. Над этим ещё предстоит подумать.

Он начал рассказывать.

В это же время Фэй поняла, что больше точно не может представлять этого ненормального на месте тех уродов, нанёсших ей практически непоправимую душевную травму семь лет назад<sup>1</sup>. Из-за них она одновременно боится и ненавидит любого мужчину, так как опасается и в них видит только угрозу.

Но этот чудик... Да уж.

Пока она слушала историю единственного парня, которого смогла принять, мысленно призвала свой исцеляющий артефакт в виде крупной монетки.

Та появилась на ладони, и студентка стала всматриваться в её узоры. Несмотря на пользу, которую предмет иногда приносит, подарок всё же символический. От папы, который долгое время был единственным представителем противоположного пола, кого она не боялась.

Отец всегда был хорошим, и вера в него не умерла после... всего. А ведь он и Лэй абсолютно разные.

До неё уже дошло, что её страхи и предрассудки объективно несостоятельны. Надо активно от них избавляться.

\*\*\*

После всего случившегося: Чёрная Церковь, Мо Фань, прорыв на вторые ступени в двух стихиях, осознание собственной влюблённости в Му Нин Сюэ и пока что совсем слабого влечения к ней — Лэй наконец смог выделить время для того, чтобы подумать над своей главной слабостью.

Слабостью к магии звука в любом её проявлении.

Юноша сидел за столом и размышлял с ручкой в руке.

На самом деле, первая мысль проста, но именно она значительно усложняет дело.

Уязвимость существовала с самого рождения. Задолго до пробуждения магии, задолго до поступления в среднюю магическую школу. И что это может означать — совсем непонятно.

Чем-то напоминает проклятие слабой водной системы. Ни с того ни с сего возникли ненужные трудности, которые пусть и привели Танзина к тому положению, которое он имеет сейчас, но также породили множество нерешённых вопросов.

Почему? Есть ли у этого хоть какая-то причина? Множество магов имеет врожденные таланты, так или иначе усиливающие их магию. В сравнении с большинством таких везунчиков мало, однако хоть кто-нибудь когда-нибудь заикался об их противоположностях?

Не просто хилые маги без особого потенциала, а именно ужасные «дары», которые лишь

ослабляют человека. Они же проклятья, к которым смело можно отнести как крайне слабую стихию воды, так и чёртв звук. И если с первым сомнения возможны, то вот с вторым — нет.

Доказательство приводится на примере: ледяной дар Му Нин Сюэ понемногу проявлял себя с детства.

Слабость к звуку — тоже.

Лёгкая аналогия, и вывод очевиден: проклятье Лэя сравнимо с талантом Му и в своей сути является ему «родственным».

Но что у них может быть общего?

Такой логический парадокс заставляет задуматься: даже система пробуждения всяких особенностей, пусть та очень сильно завязана на удаче, обладает какой-то структурой, законам которой она следует.

И из-за полного отсутствия представления об этом факт родства невероятно редких проклятий и более частых даров разрывает шаблон.

Юноша уже знает, что магия не является непостижимой и в ней реально отыскать рациональность. Свою, но всё же схожую с привычной человеку, оттого её изучение действительно имеет смысл.

Просто подходить к этому надо с другой стороны и, как оказывается, мыслить чуть иначе.

Логика обнаружилась у процесса формирования чар, она точно есть у общей структуры духовно-магического пространства — надо только сложить кусочки пазла правильно — откуда следует высокий шанс её наличия и у всех остальных явлений.

Но как достучаться до сути в этом случае?

Парень отложил ручку в сторону и встал. Спустился вниз, решив устроить небольшой перерыв и заварить чай.

В гостиной он встретил Хао и Ан, которые находились на некотором отдалении друг от друга и вели непринужденную беседу.

Девушка, совсем привыкнув к нему, теперь старается избавляться от своей боязни и перед остальными парнями.

И тут появился Шенванг, который совсем недавно очень тщательно расспрашивал юношу о соседке и его с ней взаимоотношениях. Зачем ему это и почему вдруг пробудился такой интерес к её персоне — он не ответил.

Но зная Хао, Танзин уверен, что романтического подтекста здесь нет.

Так он, размышляя об этих двоих, вернулся к себе с чашкой горячего напитка.

Чаще всего таланты каким-либо образом отображаются во внутреннем мире. Сколько книг

было прочитано — и изредка там подробно описывалось, что из себя представлял дар того или иного мага.

У той же Нин Сюэ это явное душевное семя.

Значит, его звуковая слабость тоже должна как-то там отображаться.

Но Танзин также знает, что его духовно-магическое пространство ничего странного и непонятного не содержит. Нет, симбиотические нити — та ещё загадка, но кроме них правда ничего нет.

С другой стороны, обязана ли уязвимость быть на виду? Вполне возможно, что она проявляет себя как раз во время действия раздражителя.

Разок взглянуть на это — может, что-то прояснится. И тогда надо думать над исправлением недостатка. Если это возможно.

Следовательно, вновь возникла необходимость в проведении эксперимента. Очень, очень болезненного эксперимента.

Лэй, морально подготавливаясь к длительным мучениям, допил чай и запер комнату на ключ.

Чтобы никто к нему не пришел.

Парень сел прямо на пол, прислонившись к двери, и взял в руки телефон.

Громкость максимальная, бессрочный — будет работать, пока его не отключат вручную — будильник зазвонит через две минуты. Перешёл во внутренний мир и принялся ждать.

Когда срок почти истёк, он стиснул зубы, ожидая худшего.

Белая вспышка перед глазами ознаменовала начало страданий. Снова не выдержав, юноша свалился на землю, сжав голову руками. Тяжело дыша, попытался посмотреть на звёзды — происходит ли с ними что-нибудь?

Мир вспыхнул вновь. Боли сильнее не становились, но длительное воздействие ни к чему хорошему не приведёт. Однако надо терпеть. Всё равно он в реальности не сможет встать и выключить телефон.

Обратного пути нет.

Он опустил голову. Как совсем недавно при звонках Синь Ся, непонятное жужжание отовсюду, вызываемое влиянием магии звука, приносило сильнейший дискомфорт.

Белая пелена на мгновение возникла вновь, а Танзин не заметил, как его лицо превратилось в одну жуткую, кривую гримасу.

С каждой секундой он терял способность к размышлению, силы оставались только на то, чтобы держаться в сознании.

Он ведь хочет увидеть, к чему это приведёт? Значит, отключаться нельзя.

Внутренний мир продолжал периодически загораться белым, и маг, у которого потихоньку сбивалось дыхание и затуманивалось сознание, не замечал, что кое-что всё же происходило.

Звезды, к счастью, находились в полном порядке. А вот по пространству с каждой вспышкой проходили новые и новые трещины.

Так же было и в тот раз, и эти раны внутреннего мира обусловили головные боли, продолжавшиеся весь день. Лэй этого не знал, так как заглянуть туда тогда он не удосужился.

Прошёл час. Волшебник, во время своих исследований никогда не задумывающийся о риске для самого себя, лежал пластом, пустыми глазами глядя вверх, и совсем ничего не видел. Он даже не думал. Просто терпел.

К какому-то моменту времени, который наступил значительно позже, трещины разошлись по всему пространству, и через несколько мгновений раздался короткий, пронзительный звон.

Мир разбился. Нечто в голове парня разбилось, и вся боль ушла.

Ничего не соображая, Танзин пролежал, казалось, ещё час перед тем, как к нему полноценно вернулось сознание.

Ему не было плохо, ему не было хорошо. Он чувствовал себя никак.

Вяло поднялся на ноги и осмотрелся с таким безразличием, которому позавидует и Му Нин Сюэ.

Он находился в месте, которое очень сильно напоминало внутренний мир, однако точно им не являлось. Никаких звёзд нет, зато пространство было пронизано нитями, толщина которых позволяла смело называть их струнами.

Все они излучали некую ауру, каждую из которых надо рассмотреть внимательнее, чтобы понять, что это такое.

Бесцельно погуляв по миру, Лэй насчитал ровно девятнадцать различных ниточек, каждая из которых почему-то обладала своим цветом. Некоторые оттенки он узнал сразу: прозрачно-синий, соответствующий его воде, бело-фиолетовый, как у молнии.

Другие тоже были знакомы, и Танзин начал смутно подозревать, что это и в самом деле имеет какое-то отношение к стихиям.

У всех струн, кроме трёх, была одна общая черта — крайне тусклые ауры, сильно напоминающие слабую воду в самом начале магического пути.

Юноша аккуратно притрагивался к ним, и по нитям проходили едва заметные волны.

Струна, цвет которой соответствовал стихии воды, была на несколько порядков активнее остальных.

Колебание молниевой «сестры» на глаз было где-то раза в три мощнее водной. Во столько же раз его элемент молнии сильнее средней нормы, к которой приближена стихия воды.

Лэй, находясь в апатии, сухо констатировал все эти факты, особо не заостряя на них внимание. Может, потом эмоции появятся, а сейчас их попросту нет.

Должен же он восстановиться после случившегося. Или духовно-магическое пространство разрушилось раз и навсегда?

Последняя струна бледновато-салатового окраса очень сильно выделялась.

Во-первых, её колебание во много раз превосходило молниевое по интенсивности.

Во-вторых, они происходили сами по себе, без предварительного прикосновения.

В-третьих, после прикосновения к ней возникло чувство боли, но оно быстро прошло.

В-четвёртых, когда Танзин прошёлся вдоль струны, он обнаружил самый настоящий разрыв, которого больше не было ни у одной другой нити.

Эта же была оборвана, края её искрились, и это напоминало повреждённый электрический кабель.

Волны проходили через нить, будто не было никакого разрыва, однако яркость и количество искр в этот момент значительно увеличивалось, на мгновение создавая плотную белую завесу.

Было сильное подозрение, что все нити должны быть целы и что таких вещей происходить не должно.

И практически очевидным был тот факт, что эта по-своему особенная струна отображает магию звука, как две предыдущие — воду и молнию.

Интересно. Раз интенсивность колебаний и плотность ауры непосредственно являются индикаторами силы, то выходит, что звук у него обладает невероятной мощностью.

Тут его пронзила мысль.

Если струны действительно олицетворяют элементную магию, то степень мощи нити указывает на потенциал того или иного элемента. Отсюда следует, что сила стихии звука у Танзина в теории настолько колоссальна, что она разрушила саму себя ещё в зародыше, превратившись в то самое проклятие.

И именно звук, получивший при рождении чрезмерную мощь, отобрал её у всех остальных стихий, и оттого пробудившаяся вода была такой хилой.

Не случись симбиоза, она осталась бы такой. Не будь симбиоза и громадного внешнего источника энергии, молния тоже была бы хуже некуда.

Однако по-настоящему важная мысль в голову ему так и не пришла.

Раз звук самоуничтожился под собственной мощью, то что мешает силе симбиоза, которая растёт чуть ли не экспоненциально, в недалёком будущем точно так же подарить Лэю билет в один конец?

Всё оказалось взаимосвязанным. И вывод лежал на поверхности: симбиоз не излечил проклятие, а лишь прикрыл часть его проявлений.

Одновременно с этим возникло ощущение, что он не дотянулся до всего самостоятельно. Если Лэй смог с его помощью исправить воду — молния вылечилась сама, за кадром — то вдруг реально «залатать» обрыв звуковой нити?

Если с ней все будет в порядке, то уязвимость должна пропасть и жизнь станет проще.

Парень понятия не имел, что делать и как, но он подошёл к разрыву и просто сосредоточился на своей цели.

Ведь симбиоз тесно связан с духом, дух — с сознанием, сознание — с мыслями, и мысли — с желаниями.

Закрыв глаза, юноша сконцентрировался на том, чтобы «зашить» струну.

С течением времени перестали сыпаться искры, интенсивность колебаний упала практически до минимума — что свидетельствовало о том, что для восстановления сломанного необходимо пожертвовать всем потенциалом — а две части соединились в одну.

Как иронично: все проблемы Танзина пришли от того, что он родился со слишком сильным талантом.

Только всё вернулось на свои места, как юношу нечто выпихнуло из этого места и вернуло в привычное духовно-магическое пространство, которое быстро восстанавливало свою целостность. К магу вернулись эмоции, апатия прошла.

В этот момент «шов» звуковой струны чуть-чуть разошёлся.

Выскочив в мир реальный, парень с лёгкостью поднялся на ноги и выключил треклятый телефонный будильник, который больше не приносил никакой боли и дискомфорта!

Лэй готов был заплясать на месте от радости, ведь такая серьёзная проблема решилась так просто.

Он не планировал, что эксперимент это исправит, только хотел посмотреть, что будет.

Что это вообще было за место? Почему он попал туда? Что на самом означают эти нити?

Вопросов меньше не стало, а способов найти на них ответы нет. Танзин не имел представления, как снова попасть в эту «паутину» и, что важнее, как с ней взаимодействовать.

И возможно ли это?

В любом случае теперь пора расслабиться. До конца насыщенного семестра осталось всего ничего, можно ни о чём не думать, спокойно культивировать и читать книги.

На самих каникулах дел несколько прибавится, но это будет потом.

А ещё парень хотел устроить Нин Сюэ выходной день от всех тревог.

Спустившись вниз, чтобы занести кружку на кухню и вымыть её, он подумал, что пусть это будет завтра.

Его первоочередная задача — признаться. А все остальные вопросы надо решать по мере их поступления.

Занятно, но ни в гостиной, ни на кухне он никого не увидел, хотя здесь должны были находиться Хао и Ан. Куда они подевались?

На всякий случай Лэй даже выглянул наружу, открыв дверь, и сразу их нашёл. Они, одевшись, зачем-то вышли на улицу зимой и сидели на крыльце. Фэй — на верхней ступеньке, а Шенванг — на самой нижней.

Продолжали держать дистанцию.

— Твой трезвон на весь дом слышно было, вот и покинули его, — произнёс парень, сразу заметив Танзина.

— Ты в следующий раз предупреждай о своих экспериментах, учёный доморощенный, — развернувшись, хмыкнула соседка.

— Было слышно?

— Ага. И какой нормальный человек просто так будет включать будильник на чёртовых два часа? — говорил Шенванг. — Кстати, не забудь потом пояснить, что ты опять вытворил.

— Нет, — отрезал Лэй. — Этот случай не попадает под условия контракта.

У него нет никакого желания рассказывать о своей слабости, пускай её уже и нет.

Он будет делать вид, что её никогда не было.

Может, только Сюэ расскажет.

— Ну и всё, хрен я что сделаю, — Хао пожал плечами.

— В дом пусти, а, — недовольно вставила Ан, поёживаясь от холода.

— Проходите, — юноша отошёл.

А он что, их выгонял?

<http://tl.rulate.ru/book/49983/1336594>